

1. Общетеоретические предпосылки

1.1. Сомнения по поводу постулатов фонетической и лексической организаций языка.

1.1.1. В фонетической – это обязательность противопоставления звука речи (фонемы) и слога в материальном (единое звукопредставление) и структурном аспектах. В последнем случае речь идет об оппозиции признаковой или линейной интерпретаций. Фонема мыслится как *лучок* признаков, а слог – как *последовательность* фонем. Но китайский слог монолитен, организован и может непротиворечиво интерпретироваться только признаковым образом: его неперемнная суперсегментная принадлежность «тон» может быть только признаком, а «фонемы» в понимании Румянцева ничто не мешает (а многое помогает, ср. уже проблему дифтонгов и трифтонгов) тоже понимать как признаки. Отсюда «весомо, грубо, зримо» возникает представление о слоговой фонеме, как раз в значительной мере восходящее к интерпретации китайской фонетики Поливановым.

1.1.2. В лексической – это обязательность противопоставления морфемы и слова. Очевидно, что в КЯ со словом в европейском понимании неблагополучно. Самый удобный словарь для этого языка (до сих пор!) – словарь иероглифический. Составление нормативного словаря в нашем понимании было подвигом (и не только потому, что новый литературный язык якобы складывался на глазах). И словарь оказался странным: для иероглифов одним, а для их сочетаний – другим. Настоящие слова в нашем понимании в КЯ - это только периферийные для этого языка сочетания с настоящими суффиксами (了, конечно же, не суффикс, поскольку сочетания с ним в словарь не входят). Дальше начинаются в общем случае семантически прозрачные полувоспроизводимые сочетания: сначала типа ИГ, затем застывшие ГИС - гуаньюньюй, а потом уже вообще совершенно непривычные для европейской лингвистики построения типа чэньюев. И уже про пресловутые биномы трудно сказать, к чему они относятся – к речи или языку, производимы они или воспроизводимы? В результате мы имеем переплетение лексических единиц типа слов, словосочетаний и фразеологизмов и синтаксических единиц типа ИГ, ГИС и пропозиций.

1.1.3. Таким образом, в КЯ основные единицы фонетического и лексического уровней языка оказываются совмещенными друг с другом (хотя бы по границам); при движении вниз, в фонетику, это основные фонетические единицы типа звуков речи (в нашем обыденном сознании буквы), а при движении вверх – это основные единицы плохо стратифицируемого лексико-синтаксического уровня означения. И эти основные единицы однозначно, имманентно фиксируются *только* особыми *графическими* символами из организованного (графически, фонетически и семантически) набора – *синографами*. Остальные способы фиксации (естественно, импортные) относительно настолько же, насколько относительно чтение буквы «а» в русском языке, а уж если выйти на просторы кириллицы или вообще даже и латиницы, то тут получится просто великолепная диалектология!

1.2. Проблема грамматических категорий.

1.2.1. Для аналитического слогоморфемного (а для непрофессионального языкового сознания – скорее слогословного) языка понятие морфологической грамматической категории типа существительного, прилагательного, глагола теряет смысл, и речь может только идти о семантико-синтаксических категориях. Конечно, существуют различия именной и глагольной семантики, но и здесь граница семантически размыта. Ведь очевидно, что предметы обозначают только существительные, так сказать, с терминологическим уклоном, а «изнасилование» – это действие, что очевидно настолько же, насколько очевидно то, что немецкая девушка не среднего рода. В КЯ и другие границы зыбки, например, между глаголами и предлогами. Эти обстоятельства были ясны уже фон Габеленцу и, как мне кажется, подсознательно послужили толчком к постановке вопроса об основах лингвистической типологии. Поэтому допустимо представление о *речевых* частях речи, и можно говорить, что обозначения предметов чаще функционируют в предложении как существительные, обозначения действий – как глаголы. И эти части речи следует отличать от *семантических* частей речи.

1.2.2. Проекция части речи в нашем понимании на КЯ – это функционирование в естественном семантико-синтаксическом окружении, так сказать, в окружении по умолчанию. В отличном от этого окружении появляется не конвертив, а та же лексическая единица, только, как говорил Яхонтов, в необычном употреблении (это для нас необычно, но для китайцев совсем не обязательно необычно). Ведь представление слова по умолчанию в виде «стол» – это представление о слове как обозначении вещи в виде существительного мужского рода, единственного числа, да еще и в именительном падеже, восходящее к спорной философской предпосылке о подлежащем как главном члене предложения. Такое имя задает философскую оппозицию «слова и вещи». А ведь семантически важны не слова, а дела, да и сокровенная пружина языка заключена в предикации.

1.2.3. Зайду с несколько иного конца. Часть речи, как, впрочем, и время, можно представлять в виде семантической категории, такой, как, например, род (но семантический признак пола применим к очень ограниченному числу имен) или число (эта категория опять же годится только для имен и кажется для них, в отличие от рода, естественной, но тут уже бродит по Европе призрак неисчисляемости). А вот такие вещи как падеж или вид семантически интерпретировать нельзя – это морфосинтаксические выкрутасы конкретных языков в попытках передать смысл через морфологию. Подобными выкрутасами прежде всего и занимается привычная грамматика в широком понимании слова. Смысл же, для синографа - главный аспект, только в недавнее время стал объектом лингвистического исследования и, как оказалось, даже превратился в отправную точку, которой ранее была фонетика. А смыслу часть речи присуща не намного в большей мере, чем падеж.

1.3. Языковая естественность и неестественность.

1.3.1. Естественный (бытовой) язык понимается как средство человеческого общения прежде всего в устной форме. Но по мере развития цивилизации письменная форма языка приобретает все большую роль. И все более осознается тот факт, что язык - это средство не только (и даже не столько) передачи, но и организации и фиксации информации. Будучи продуктом сознания, он это сознание материализует и организует. И существует важная грань не только между не говорящей обезьяной и говорящим человеком, но и между неграмотным (необразованным) и грамотным (образованным) человеком.

1.3.2. Процесс достижения грамотности, кажется, прост – надо выучить буквы. Тогда можно *читать* вывески, распоряжения, интернет, даже книги, но *понимать* ли их? Вспомним лакея Петрушку у Гоголя или русских барышень, которые бойко болтали по-французски, естественно, знали латиницу, но не могли (не умели) читать французские романы. Все это – преимущества (или недостатки?) фонетического письма. Китайское же письмо – семантическое. Тут при чтении даже задействуются другие участки мозга, а также предполагаются иные филогенетические и онтогенетические механизмы, приводящие к внутренне естественным, но для нас достаточно непривычным последствиям.

1.3.3. Буду говорить только о филогенезе. Как получилось, что речь стала записываться буквами, мы примерно представляем, и это нам кажется естественным. Но отмечу, что первоначальный текст и в нашей, и в китайской цивилизации был сакральным и соответственно записывался сакральными письменами. Синографы, введенные в оборот иньскими жрецами, были прежде всего осмысленными. Возможность такого альтернативного подхода очевидна: ведь передавать звучание менее разумно, чем передавать смысл, гораздо в большей мере изобразимый, особенно если этот смысл фонетически организован. Конечно, подход от смысла возможен только при ограниченности сферы применения. А внутри ограниченного числа организованных знаков неизбежно возникает системность (все это мы наблюдаем в доханьском Китае). Эти обстоятельства наглядно демонстрирует единственная развитая система символьной записи – слоговые символы химических элементов. Как при наличии звука можно в какой-то мере обходиться без смысла (это было показано выше), так и при наличии символа можно в какой-то мере обходиться без звука, тем более что сакральные символы должны иметь особые сакральные чтения (ср. чтения химических символов или шумерские чтения у ассирийцев).

1.3.4. Локальное изобретение синографии повлекло за собой формирование Китая, доминирующее распространение на юг, населенный другими этносами и говорящий на совсем других (но слоговых!) языках, на тот самый якобы не китайский юг, который и по сю пору пишет иероглифами (не считая вьетнамцев, которые, будучи обучены французами неграмотности, сохранили китайское отношение к пробелам). Тут и проявляется первичность письма и вторичность обиходного языка для *культурного общества*, что может интерпретироваться как первичность *осознанной* компетенции по отношению к вторичности исполнения.

2. Частные коррективы относительно языка (интермедия).

2.1. Вернемся к оппозиции: средство общения (передачи информации) vs. средство упорядочения и фиксации информации.

2.1.1. В первом случае (т.е. бытового языка) можно было бы обойтись и зуботычинами, но во втором речь идет о сложной, осмысленной и в первую очередь не конкретной информации. Именно поэтому возможность общаться на языке, как и буквенная грамотность, не обязательно влечет за собой адекватное понимание текста.

2.2. Аспекты графической репрезентации.

2.2.1. Способ фиксации неизбежно влияет на форму текста и его емкость. Достаточно сравнить традиционный и современный вьетнамский текст. Запись дискретными квадратными символами порождает многомерность (параллелизм) и многоуровневость составляющих текста (о ней говорилось выше). Для синографического текста на первый план выходит, если можно так выразиться, грамматика текста, а не классификация его составляющих, сегментация текста, а не составление текста из слов.

2.2.2. Символьная фиксация по-своему не менее условна, чем устная. Ср. проблему различения форм местоимения 他、她、它、牠、牠。 Очевидно, что это одно слово, причем по-видимому вместе с 他的; и дело доходит до неразграничения личных и притяжательных местоимений. Ср. также вопрос целесообразности различения 你 и 妳. И тут речь идет уже семантических, а не грамматических роде и падеже.

2.3. Соотношению символа (синографа) и «слова».

2.3.1. Я уже говорил о применении понятия умолчания к числу, роду и падежу при наличии оппозиций единственное vs. множественное, мужской vs. женский, номинатив vs. аккузатив (эта оппозиция связана с проблемами эргативности и главного актанта). Синограф, не являющийся в том или ином смысле именем собственным (не конкретное обозначение), – это термин массы, нечто качественное и неисчисляемое (отсюда счетные слова), а для конкретных имен число по умолчанию множественное. В этом отношении примечательна обязательность при исполнении счетных слов у конкретных существительных (а других в разговорном практически нет) при их отсутствии в вэньяне. Здесь мне кажется интересной параллель между счетным словом и

артикле, занимающим промежуточное положение между служебным словом и частью слова. Но артикли совершенно определенно считаются отдельными словами и отделяются пробелами (это выбор анализации, выброс показателя за пределы слова. А с другой стороны, полноценный символ – это прежде всего обозначение сущности или состояния со стороны качественности.

2.3.2. Языковой символ (наше конкретное слово или китайская абстрактная морфема), химический символ и синограф 漢字 являются семантическими представлениями; их совокупность может быть зафиксирована как семантическими так и фонетическими способами. В китайском случае слогослово передается одним структурно (в общем случае бинарно) и пространственно (квадрат постоянной площади) организованным символом. И это не слово в нашем понимании. Это очевидно уже из странности утверждения, что древние китайцы выражались односложно. И получается, что был прав акад. Конрад, который под мудрым руководством тов. Сталина доказал неодносложность китайских слов, разоблачив таким образом буржуазное принижение китайского народа, идущего к коммунизму.

2.3.3. Синографы условны во всех отношениях, за исключением идеальной графической фиксации, не учитывающей вариативность и стиль письма. Эта условность подобна соотношению символов химических элементов со словами или даже с их символьными чтениями. Китайские иероглифические аналоги символов химических элементов адекватны латинским (с их помощью можно записывать формулы) и одновременно являются синографами (т.е. словами – единицами универсального естественного письменного языка), их бытовые реализации совпадают с научными (в отличие от «меди» и «купрума» не различаются). Более того, символы химических элементов вполне можно заменить универсальными синографами, при этом в обоих случаях должна применяться одна и та же двухбайтовая кодировка. Проблема, как ни странно, состоит в лишь том, что у китайцев не было графических цифр, как и ухищрений линейности типа нижних (и верхних) [числовых] индексов¹. Поэтому китайский химический текст мог бы состоять из одних синографов, но тогда утратилась бы международная составляющая. И это при том, что в этом случае вместо ограниченного числа условных символов целиком использовались бы знаки гораздо более мощного и универсального набора символов естественного семантического письма.

¹Эту тему можно было бы развивать дальше, но это завело бы нас в дебри сопоставления графики вида «двадцать» и «20» и репрезентации гексаграмм.

3. Искусственность происхождения текста и генезис синографии.

3.1. Возникновение письма и текста в Китае.

3.1.1. Первоначальный синографический текст был одновременно и составляющей ритуала и его фиксацией. Надписи имели строгий формуляр, их лексика и содержание были специальными. К 5 в. до н.э. формируется светская культура через понятийное осмысление знаков этих специфических текстов в виде сопряженных текстов-чжуаней и коротких структурно организованных фрагментов квазифилософского содержания. Еще один источник письменной традиции – хронологическое расположение ритуальных записей как хроники с сопряженными текстами в виде комментариев, записей речей и исторического повествования. Ритуальные знаки должны были иметь ритуальные, престижные, первоначальные чтений. Это, в частности, обусловило нормативность лингвистической традиции.

3.1.2. Наиболее значимые древнейшие синографические тексты многомерны, работа с ними должна осуществляться в графическом, а не в текстовом формате. Эти тексты не были предназначены для последовательного восприятия на слух, их нельзя без существенной перестройки трансформировать даже в средневековый китайский текст (я не говорю уже о тексте на байхуа или европейских языках). Они сформулированы по законам логики, а не естественного языка. В этом отношении примечательно немислимое для естественного языка отсутствие в гадательных надписях средств выражения вопроса.

3.1.3. Синографы берут начало от иконических символов (которым придавалось символическое значение) и символических знаков (насечек), в общем случае восходящих к цифрам и обозначениям ячеек классификационных схем, которые могли задаваться и стандартными заполнениями. Фонетический аспект был включен в означение посредством фонетических заимствований, его внутризнаковое применение оказалось неизбежным при необходимости учета как семантического, так и фонетического аспектов (ключи и фонетики) в ходе унификации письма.

3.1.4. Символичность предполагала числовое понимание синографа, откуда берет начало традиционное представление о науке как об исчислении².

3.1.5. Первоначальная лексика вне терминологического пласта была ограничена и системна (ср. бытовой мат; в этом отношении примечательна эротическая база ицзинистики). Первоначальные единицы отличались емкостью и размытостью, затем происходила их постепенная внутренняя семантическая и графическая дифференциация. Эти процессы отразились в означении фонетиков, взаимозаменяемости и специализации первоначальных синографов.

² Здесь должен быть сюжет о китайской семантике числительного.

3.1.6. В конечном итоге это привело к пониманию синографа как инварианта с аспектами графика, семантика и фонетика, а также концепции 六書 как отражения генезиса письма. В этом отношении примечательна «нечеткость» каждого аспекта, связанная для графики со стилем письма и «местными» знаками, для семантики с вариантами членения семантического пространства («неправильные» употребления иероглифов), а для фонетики с языком (диалектом), на который проецируется синография. В последнем отношении примечательно стирание грани между языком и диалектом вплоть до «китаизации» вьетских языков (кантонский диалект) и появления такого «языка», как синояпонский.

3.1.7. В этом плане становится понятными иррелевантность точного, конкретного произношения, условность среднекитайской реконструкции и одновременное использование в настоящее время двух достаточно различных наборов рифм: северного, определяемого фонетикой НКЯ и южного (система 106 рифм): ведь значимо место в системе чтений (подобие звучаний), а не конкретное звучание. Система рифм – это приблизительная и наддиалектная фонетическая нотация на уровне слога, возникновение которой объясняется слоговостью и уподобительной фиксацией произношения.

3.1.8. Вышеизложенное объясняет совпадение границ синодиалектов с границами зон распространения языков и этносов и возникновение подобных «диалектов» в результате не отделения, а [при]соединения, а именно распространения синографии, в частности, ее фонетической составляющей. Также становится яснее отличие бинарного противопоставления язык – диалекты от сложной системы, в которую входят синографическая компетенция, синодиалекты (Mandarin, Cantonese), НКЯ и синоязыки.

4. Заключение

4.1. Проблема грамотности. Может создаться впечатление, что высказанные здесь соображения нарочито изображают китайский язык эдаким искусственным и письменным. И действительно, при таком движении от письма (компетенции) к речи (исполнению) возникает вопрос о языке у неграмотных. Такой бытовой язык понимает ограниченный круг людей (носителей *определенного* языка такого рода). На Дону население даже довольно близко расположенных станиц не понимает друг друга, если говорят по-местному. Но все они говорят по-русски и могут культурно общаться благодаря наличию русского литературного языка, который имманентно существует именно в письменной форме (как и ранее церковнославянский). И благодаря наличию такого литературного языка, в частности, появляется возможность получить текст, *стилизованный* под народный. Матерно жители станиц тоже могут общаться, но мат – это не кодифицированная (упорядоченная) устная речь, а символическая система, подобная той, которая лежит в основе Ицзина.

4.2. Именно графический аспект позволяет оттенить и сформулировать много важных семантических вопросов. Это, например, проблемы кошки по имени Кошка, кавычек, употребления больших букв. Простейший вопрос такого рода, как писать слово «бог» - с большой или маленькой буквы? (логически написанное в кавычках неправильно и невыразимо). Дальше уже идет ныне осознанная необходимость писать слово black с большой буквы (но тогда получается фамилия), а тогда уже и white надо писать с большой буквы и, двигаясь дальше по цветам, получить, например, «голубой» с большой буквы. У нас, пожалуй, Голубого с большой буквы не будет, но там Gay с большой буквы будет наверняка. И все это очень важные и в лингвистическом, и в бытовом отношении проблемы, существующие (эксплицируемые) только в письменном виде.

4.3. Вьетнамцы благодаря переходу на фонетическое письмо неграмотны в той же мере, как химически неграмотен простой рабочий химического завода, или человек, читающий в химических формулах символы химических элементов словами. А ведь это примерно то же, что замещать синографы диалектизмами, или словами своего языка (для синоязыков), и даже просто писать на 拼音.

Питерский доклад памяти Яхонтова «Китайский аспект типологии языка и письма»

Вводная часть

Чсть выступить здесь уже в таком качестве.

Петербургская школа в китаеведении и лингвистике; Москва и Питер.

Ученик Драгуновой и Яхонтова; от них школа Драгунова и Щербы (Есперсена).

Непосредственно Алексеев и его духовный наследник Рифтин (второе посвящение).

<Баньковская; публикация лингвистического наследия: Сыкун Ту (Дрейзис?)>

Личная часть: технарь и менделеевец.

Совсем личное – посещения Питера, отношения с Яхонтовым.

Элемент шокирования